

Vicente Blasco Ibáñez
La pared y otros cuentos

Висенте Бласко Ибаньес
Стена и другие рассказы

Пособие подготовила **Ольга Абелла Кастро**

Метод чтения Ильи Франка

Primavera triste
Lobos de mar
El ogro
La paella del Roder
La pared

La pared

(Стена)

Siempre que los nietos del tío Rabosa (каждый раз, когда: «всегда что»
внуки дядюшки Рабоса) se encontraban con los hijos de la viuda de

Casporra (встречались с детьми вдовы Каспорра) en las sendas de la huerta (на дорогах плантации; *senda, f — трона; huerta, f — огород, сад, плантация*) o en las calles de Campanar (или на улицах Кампанара), todo el vecindario (все жители; *vecino, m — сосед; vecindario — жители, население*) comentaba el suceso (обсуждали происшествие). ¡Se habían mirado (/они/ посмотрели друг на друга)!... ¡Se insultaban con el gesto (/они/ оскорбляли друг друга жестами)!... Aquello acabaría mal (это: «то» плохо закончится), y el día menos pensado (и в один прекрасный: «в наименее ожидаемый» день; *pensar — думать*) el pueblo sufriría un nuevo disgusto (поселок пострадает от нового несчастья).

Siempre que los nietos del tío Rabosa se encontraban con los hijos de la viuda de Casporra en las sendas de la huerta o en las calles de Campanar, todo el vecindario comentaba el suceso. ¡Se habían mirado!... ¡Se insultaban con el gesto!... Aquello acabaría mal, y el día menos pensado el pueblo sufriría un nuevo disgusto.

El alcalde (алькальд), con los vecinos más notables (с самыми уважаемыми: «заметными» жителями; *notar — замечать; notable — заметный, знатный; vecino, m — сосед, житель, горожанин*) predicaba paz a los mocetones (призывал к примирению молодых людей: «проповедовал мир молодым людям») de las dos familias enemigas (из обеих враждующий семей), y allá iba el cura (и священник ходил туда), un vejete de Dios (божий одуванчик: «старичок»; *veje, m — старик*), de una casa a otra (из одного дома в другой), recomendando el olvido de las ofensas (советуя забыть обиды: «забвение обид»).

Treinta años que los odios (/вот уже/ тридцать лет, как: «что» ненависть) de los Rabosas y Casporras (/между семьями/ Рабоса и Каспорра) traían alborotado a Campanar (нарушали спокойствие Кампанара: «несли беспокойным Кампанар»; *alborotar* — тревожить, нарушать спокойствие).

El alcalde, con los vecinos más notables, predicaba paz a los mocetones de las dos familias enemigas, y allá iba el cura, un vejete de Dios, de una casa a otra, recomendando el olvido de las ofensas.

Treinta años que los odios de los Rabosas y Casporras traían alborotado a Campanar.

Casi en las puertas de Valencia (почти у ворот Валенсии), en el risueño pueblecito (в благодатном городишке; *risa, f* — улыбка; *risueño* — улыбчивый, благоприятный; *pueblo, m* — городок, поселок) que desde la orilla del río (который с берега реки) miraba a la ciudad (смотрел на город) con los redondos ventanales («с» круглыми окошками; *ventana, f* — окно) de su agudo campanario (своей остроконечной: «острой» колокольни; *campana, f* — колокол), repetían aquellos bárbaros (эти: «те» варвары повторяли), con un rencor africano (с африканской = мавританской злопамятностью), la historia de luchas y violencias (историю вражды: «борьбы» и насилий) de las grandes familias italianas (знатных: «великих» итальянских семей) en la Edad Media (в Средние века).

Casi en las puertas de Valencia, en el risueño pueblecito que desde la orilla del río miraba a la ciudad con los redondos ventanales de su agudo campanario, repetían aquellos bárbaros, con un rencor africano, la historia de luchas y violencias de las grandes familias italianas en la Edad Media.

Habían sido grandes amigos en otro tiempo (в прежние: «другие» времена они были большими друзьями); sus casas (их дома), aunque situadas en distintas calles (хотя и находились: «находящиеся» на разных улицах), lindaban por los corrales (примыкали /друг к другу/ дворами), separados únicamente por una tapia baja (разделенные лишь: «единственно» низкой стеной). Una noche (как-то: «одной» ночью), por cuestiones de riego (из-за ссоры во время поливки: «вопросов поливки»), un Casporra tendió en la huerta de un escopetazo (один /из/ Каспорра ружейным выстрелом уложил на плантации; *escopeta, f* — ружье; *escopetazo, m* — ружейный выстрел) a un hijo del tío Rabosa (одного /из/ сыновей дядюшки Рабоса), y el hijo menor de éste (а младший сын этого), porque no se dijera (чтобы не сказали: «потому чтоб не говорилось») que en la familia no quedaban hombres (что в семье не осталось мужчин), consiguió (сумел: «добился»), después de un mes de acecho (после месяца слежки), colocarle una bala entre las cejas al matador (всадить: «поместить» убийце пулю между глаз: «бровями»).

Habían sido grandes amigos en otro tiempo; sus casas, aunque situadas en distintas calles, lindaban por los corrales, separados únicamente por una tapia baja. Una noche, por cuestiones de riego, un Casporra tendió en la huerta de un escopetazo a un hijo del tío Rabosa, y el hijo menor de éste,

porque no se dijera que en la familia no quedaban hombres, consiguió, después de un mes de acecho, colocarle una bala entre las cejas al matador.

Desde entonces las dos familias (с тех пор: «с тогда» обе семьи) vivieron para exterminarse (жили, чтобы истреблять друг друга: «истребляться»), pensando más (больше думая) en aprovechar los descuidos del vecino (о /том, чтобы/ воспользоваться промахом: «невнимательностью» соседа; *cuidar* — *заботиться, следить*) que el cultivo de las tierras (чем о возделывании земли).

Escopetazos en medio de la calle (ружейная стрельба посреди улицы; *escopeta, f* — *ружье*); tiros que al anochecer relampagueaban (выстрелы, которые вспыхивали в сумерках; *noche, f* — *ночь*; *anochecer, m* — *сумерки, вечер*; *relámpago, m* — *вспышка, молния*) desde el fondo de una acequia (со дна оросительной канавы) o tras los cañares o ribazos (или из-за зарослей тростника или холмов; *caña, f* — *тростник*) cuando el odiado enemigo (когда ненавистный враг) regresaba del campo (возвращался с поля).

Desde entonces las dos familias vivieron para exterminarse, pensando más en aprovechar los descuidos del vecino que el cultivo de las tierras.

Escopetazos en medio de la calle; tiros que al anochecer relampagueaban desde el fondo de una acequia o tras los cañares o ribazos cuando el odiado enemigo regresaba del campo.

Alguna vez (то и дело: «какой-то раз»), un Rabosa o un Casporra (один /из/ Рабоса или один /из/ Каспорра), iba camino del cementerio (отправлялись: «шли по дороге» на кладбище) con una onza de plomo dentro del pellejo (с унцией свинца в шкуре), y la sed de venganza (а жажда мести) sin extinguirse (все не угасала: «без вымирать»), antes bien extremándose (скорее усиливалась: «увеличиваясь»; *antes bien = más bien — скорее*) con las nuevas generaciones (с /приходом/ новых поколений), pues parecía que en las dos casas (ибо казалось, что в обоих домах) los chiquitines salían ya (дети уже выходили; *chico, m — мальчик, ребенок*) del vientre de sus madres (из материнской утробы: «материнского живота») tendiendo las manos a la escopeta (протягивая руки к ружью) para matar a los vecinos (чтобы убивать соседей).

Alguna vez, un Rabosa o un Casporra, iba camino del cementerio con una onza de plomo dentro del pellejo, y la sed de venganza sin extinguirse, antes bien extremándose con las nuevas generaciones, pues parecía que en las dos casas los chiquitines salían ya del vientre de sus madres tendiendo las manos a la escopeta para matar a los vecinos.

Después de treinta años de lucha (после тридцати лет вражды: «борьбы»), en casa de los Casporras sólo quedaba una viuda (в доме Каспорра оставалась только вдова) con tres hijos mocetones (с тремя сыновьями, рослыми парнями; *mozo, m — парень; mocetón, m — рослый, крупный парень*) que parecían torres de músculos (которые казались башнями = *грудами* мышц). En la otra estaba el tío Rabosa (в другом /доме/ был дядюшка Рабоса), con sus ochenta años (со своими восьмьюдесятью годами = *восьмидесятилетний*), inmóvil en un sillón

de esparto (неповижный в своем кресле из ковыля = плетеном кресле; *mover* — *двигать*; *móvil* — *подвижный*), con las piernas muertas por la parálisis (с ногами, мертвыми = *безжизненными* из-за паралича; *morir* — *умирать*), como un arrugado ídolo de la venganza (как морщинистый идол = *морщинистая статуя* мести), ante el cual juraban sus dos nietos defender (перед которой два его внука клялись защитить) el prestigio de la familia (честь: «авторитет» семьи).

Después de treinta años de lucha, en casa de los Casporras sólo quedaba una viuda con tres hijos mocetones que parecían torres de músculos. En la otra estaba el tío Rabosa, con sus ochenta años, inmóvil en un sillón de esparto, con las piernas muertas por la parálisis, como un arrugado ídolo de la venganza, ante el cual juraban sus dos nietos defender el prestigio de la familia.

Pero los tiempos eran otros (но времена изменились: «были другие»). Ya no era posible ir a tiros (невозможно было уже устроить перестрелку: «пойти выстрелами»), como sus padres (как их отцы), en plena plaza (посреди площади; *pleno* — *полный*; *en pleno* — *посреди, в разгар*), a la salida de la misa mayor (на выходе с воскресной: «главной» мессы; *mayor* — *больший, старший, главный*). La Guardia Civil no los perdía de vista (жандармы не теряли их из вида: «гражданская гвардия не теряла...»); los vecinos los vigilaban (жители за ними следили), у bastaba que uno de ellos (и достаточно было того, чтобы один из них; *bastar* — *быть достаточным*) se detuviera algunos minutos (задержался на несколько минут) en una senda o una esquina (на тропе или на углу) para verse al momento (чтобы вмиг оказаться: «в момент увидеть

себя») rodeado de gente (окруженным людьми) que le aconsejaba la paz (которые советовали ему мир = просили его успокоиться).

Pero los tiempos eran otros. Ya no era posible ir a tiros, como sus padres, en plena plaza, a la salida de la misa mayor. La Guardia Civil no los perdía de vista; los vecinos los vigilaban, y bastaba que uno de ellos se detuviera algunos minutos en una senda o una esquina para verse al momento rodeado de gente que le aconsejaba la paz.

Cansados de esta vigilancia (уставшие от этого надзора), que degeneraba en persecución (который переходил в преследование; *seguir* — следовать; *perseguir* — преследовать) y se interponía entre ellos (и вставал между ними) como infranqueable obstáculo (как непреодолимое препятствие; *franquear* — освободить, устранять), Casporras y Rabosas acabaron por no buscarse (Каспорра и Рабоса в конце концов перестали искать встреч: «закончили тем, что не искали друг друга»), y hasta se huían (и даже избегали друг друга) cuando la casualidad los ponía frente a frente (когда случай сталкивал: «ставил» их лицом к лицу). Tal fue su deseo de aislarse (таким /сильным/ было их желание отгородиться /друг от друга/; *aislar* — отделять) y no verse (и не видеть друг друга: «не видеться»), que les pareció baja la pared (что им показалась низкой стена) que separaba sus corrales (которая разделяла их дворы).

Cansados de esta vigilancia, que degeneraba en persecución y se interponía entre ellos como infranqueable obstáculo, Casporras y Rabosas acabaron por no buscarse, y hasta se huían cuando la casualidad los ponía frente a

frente. Tal fue su deseo de aislarse y no verse, que les pareció baja la pared que separaba sus corrales.

Las gallinas de unos y otros (курицы тех: «одних» и других), escalando los montones de leña (вскарабкавшись по кучам = связкам дров), fraternizaban en lo alto de las bardas (по-братски усаживались: «братались» на кровле стены; *barda, f* — кровля каменной стены); las mujeres de las dos casas (женщины обоих домов) cambiaban desde las ventanas (обменивались из окон) gestos de desprecio (жестами презрения). Aquello no podía resistirse (то = так не могло продолжаться; *resistir* — выдерживать; *resistirse* — держаться, сохраняться); era como vivir en familia (/это/ было как жить в семье = одной семьей), y la viuda de Casporra (и вдова Каспорра) hizo que sus hijos (велела: «сделала» чтобы ее сыновья) levantaran la pared una vara (подняли стену на /целую/ вару; *vara, f* — vara, мера длины = 835,9 мм). Los vecinos se apresuraron (соседи поспешили) a manifestar su desprecio (выразить свое презрение) con piedra y argamasa (с /помощью/ камня и извести), y añadieron algunos palmos más a la pared (и добавили еще несколько пядей «к стене»).

Las gallinas de unos y otros, escalando los montones de leña, fraternizaban en lo alto de las bardas; las mujeres de las dos casas cambiaban desde las ventanas gestos de desprecio. Aquello no podía resistirse; era como vivir en familia, y la viuda de Casporra hizo que sus hijos levantaran la pared una vara. Los vecinos se apresuraron a manifestar su desprecio con piedra y argamasa, y añadieron algunos palmos más a la pared.

Y así, en esta muda y repetida manifestación de odio (и /ВОТ/ так, в ЭТОМ немом и повторяющемся выражении ненависти; *manifestar* — *выражать, проявлять*), la pared fue subiendo y subiendo (стена поднималась и поднималась: «шла поднимаясь и поднимаясь»). Ya no se veían las ventanas (уже не видны были: «не виднелись» окна); poco después (немного позже: «потом») no se veían los tejados (стали не видны: «не виднелись» крыши); las pobres aves de corral (/и/ бедные домашние: «дворовые» птицы) se estremecían en la lúgubre sombra (дрожали в мрачной тени) de aquel paredón (той высоченной стены; *pared, f* — *стена*; *paredón, m* — *огромная стена*) que les ocultaba parte del cielo (которая скрывала от них часть неба), y sus cacareos sonaban (и их кудахтанье звучало) tristes y apagados (грустно и приглушенно; *apagar* — *гасить, тушить*) a través de aquel muro (через ту стену), monumento del odio (памятник ненависти), que parecía amasado (которая казалась замешанной = построенной; *amasar* — *замешивать, состряпать*) con los huesos y la sangre de las víctimas (на костях и крови жертв: «с костями и кровью жертв»).

Y así, en esta muda y repetida manifestación de odio, la pared fue subiendo y subiendo. Ya no se veían las ventanas; poco después no se veían los tejados; las pobres aves de corral se estremecían en la lúgubre sombra de aquel paredón que les ocultaba parte del cielo, y sus cacareos sonaban tristes y apagados a través de aquel muro, monumento del odio, que parecía amasado con los huesos y la sangre de las víctimas.

Así transcurrió el tiempo (так проходило время) para las dos familias (для обеих семей), sin agredirse (без нападений: «нападать») como en otra época (как в другие времена; *época, f — эпоха, время*), pero sin aproximarse (но и не приближаясь друг к другу: «без приближаться»); inmóviles y cristalizadas en su odio (неподвижные и застывшие: «остекленевшие» в своей ненависти; *cristal, m — кристалл, хрусталь, стекло*).

Una tarde sonaron a rebato (однажды: «одним» вечером ударили в набат; *sonar — звучать, бить*) las campanas del pueblo (колокола поселка). Ardía la casa del tío Rabosa (дом дядюшка Рабоса горел). Los nietos estaban en la huerta (внуки были в поле: «на плантации»); la mujer de uno de éstos (жена одного из них: «этих»), en el lavadero (в прачечной; *lavar — мыть, стирать*), y por las rendijas de puertas y ventanas (сквозь щели дверей и окон) salía un humo denso (пробивался: «вылетал» густой дым) de paja quemada (от жженой соломы; *quemar — жечь*).

Así transcurrió el tiempo para las dos familias, sin agredirse como en otra época, pero sin aproximarse; inmóviles y cristalizadas en su odio.

Una tarde sonaron a rebato las campanas del pueblo. Ardía la casa del tío Rabosa. Los nietos estaban en la huerta; la mujer de uno de éstos, en el lavadero, y por las rendijas de puertas y ventanas salía un humo denso de paja quemada.

Dentro, en aquel infierno (внутри, в том аду) que rugía buscando expansión (который ревел, стремясь вырваться: «ища распространения»; *expandir* — *распространять*), estaba el abuelo (был дедушка), el pobre tío Rabosa (бедный дядюшка Рабоса), inmóvil en su sillón (неподвижный в своем кресле). La nieta se mesaba los cabellos (внучка рвала на себе волосы), acusándose como autora de todo (объявляя: «обвиняя» себя виновной во всем; *autor, m* — *автор, создатель, виновный*) por su descuido (из-за своей небрежности); la gente se arremolinaba en la calle (люди толпились: «кружили» на улице; *molino, m* — *мельница*) asustada por la fuerza del incendio (напуганные силой пожара). Algunos, más valientes (некоторые, более смелые), abrieron la puerta (открыли дверь); pero fue para retroceder (но тут же отступили: «было, чтобы отступить») ante la bocanada de humo (перед клубом дыма; *boca, f* — *рот; bocanada, f* — *глоток; клуб дыма*) cargada de chispas (заряженного искрами; *cargar* — *грузить, заряжать*) que se esparció por la calle (который вылетел на улицу: «распространился по улице»).

Dentro, en aquel infierno que rugía buscando expansión, estaba el abuelo, el pobre tío Rabosa, inmóvil en su sillón. La nieta se mesaba los cabellos, acusándose como autora de todo por su descuido; la gente se arremolinaba en la calle asustada por la fuerza del incendio. Algunos, más valientes, abrieron la puerta; pero fue para retroceder ante la bocanada de humo cargada de chispas que se esparció por la calle.

—¡El agüelo (дедушка; *agüelo /paz./* = *abuelo, m* — *дед*)! ¡El pobre agüelo (бедный дедушка)! — gritaba la de los Rabosas (кричала внучка:

«та из /семьи/ Рабоса»), volviendo en vano la mirada (тщетно оглядываясь: «поворачивая взгляд»); *mirar* — *смотреть*) en busca de un salvador (в поисках спасителя; *salvar* — *спасать*).

Los asustados vecinos (испуганные жители) experimentaron el mismo asombro (пережили: «испытали» то же изумление) que si hubieran visto el campanario (как если бы они увидели колокольню) marchando hacia ellos (идущую к ним). Tres mocetones entraban corriendo (трое юношей вбежали: «вошли бегом») en la casa incendiada (в горящий: «зажженный» дом). Eran los Casporras (это были /сыновья вдовы/ Каспорра).

—¡El agüelo! ¡El pobre agüelo! —gritaba la de los Rabosas, volviendo en vano la mirada en busca de un salvador.

Los asustados vecinos experimentaron el mismo asombro que si hubieran visto el campanario marchando hacia ellos. Tres mocetones entraban corriendo en la casa incendiada. Eran los Casporras.

Se habían mirado (/они/ переглянулись) cambiando un guiño de inteligencia (подмигнули друг другу: «обменявшись умным подмигиванием»), y sin más palabras se arrojaron como salamandras (и без лишних: «больше» слов бросились, как саламандры) en el enorme brasero (в огромную жаровню; *brasa, f* — *жар; раскаленные угли*). La multitud los aplaudió (толпа зааплодировала им = встретила их рукоплесканием) al verlos reaparecer (увидев, как они снова появились: «видя их снова появляться»); *aparecer* — *появляться*) llevando en alto

(неся высоко: «в высоте»), como a un santo en sus andas (как святого на его престоле: «на носилках»), al tío Rabosa en su sillón de esparto (дядюшку Рабоса в его плетеном кресле: «кресле из ковыля»). Abandonaron al viejo (/они/ оставили старика) sin mirarle siquiera (даже не взглянув на него), y otra vez adentro (и снова /бросились/ внутрь).

Se habían mirado cambiando un guiño de inteligencia, y sin más palabras se arrojaron como salamandras en el enorme brasero. La multitud los aplaudió al verlos reaparecer llevando en alto, como a un santo en sus andas, al tío Rabosa en su sillón de esparto. Abandonaron al viejo sin mirarle siquiera, y otra vez adentro.

—¡No, no (нет, нет)! — gritaba la gente (кричали люди).

Pero ellos sonreían (но они улыбались), siguiendo adelante (следуя вперед): iban a salvar (желая: «/они/ собирались» спасти) algo de los intereses de sus enemigos (что-нибудь из вещей своих врагов; *interés, m* — *интерес, имущество*). Si los nietos del tío Rabosa estuvieran allí (если бы внуки дядюшки Рабоса были там) ni se habrían movido ellos de casa (они бы даже не вышли: «не двинулись» из дома). Pero sólo se trataba de un pobre viejo (но речь шла всего лишь: «только» о бедном старике) al que debían proteger (которого /они/ должны были защитить), como hombres de corazón (как настоящие мужчины: «мужчины сердца»).

—¡No, no! — gritaba la gente.

Pero ellos sonreían, siguiendo adelante: iban a salvar algo de los intereses de sus enemigos. Si los nietos del tío Rabosa estuvieran allí ni se habrían movido ellos de casa. Pero sólo se trataba de un pobre viejo al que debían proteger, como hombres de corazón.

Y la gente los veía (люди видели их) tan pronto en la calle (то: «так быстро» на улице) como dentro de la casa (то: «как» внутри дома), buceando en el humo (ныряя в дыму), sacudiéndose las chispas (стряхивая с себя искры; *sacudir* — *трясти*) como inquietos demonios (словно беспокойные демоны; *quieto* — *тихий, спокойный*), arrojando muebles y sacos (кидая мебель и мешки) para volver a meterse entre las llamas (чтобы вновь броситься в огонь: «вернуться зайти между пламенем»).

Lanzó un grito la multitud (толпа вскрикнули: «бросила крик») al ver a los dos hermanos mayores (увидев двух старших братьев) sacando al menor en brazos (выносящих младшего на руках). Un madero, al caer (балка, упав), le había roto una pierna (сломала ему ногу; *romper* — *рвать; разламывать*).

Y la gente los veía tan pronto en la calle como dentro de la casa, buceando en el humo, sacudiéndose las chispas como inquietos demonios, arrojando muebles y sacos para volver a meterse entre las llamas.

Lanzó un grito la multitud al ver a los dos hermanos mayores sacando al menor en brazos. Un madero, al caer, le había roto una pierna.

—¡Pronto, una silla (скорее: «скоро», стул)!

La gente, en su precipitación (люди, в своей спешке; *precipitar* — *сбрасывать, торопить*), arrancó al viejo Rabosa (выхватили старика Рабоса) de su sillón de esparto (из его плетеного стула «из ковыля») para sentar al herido (чтобы посадить раненого).

El muchacho, con el pelo chamuscado (парень, с опалеными волосами) y la cara ahumada (и почерневшим от дыма: «закопченным» лицом; *humo, m* — *дым*), sonreía ocultando los agudos dolores (улыбался, скрывая острую боль) que le hacían fruncir los labios (которая заставляла: «делала» его сжимать губы). Sintió que unas manos trémulas (/он/ почувствовал, как дрожащие руки), ásperas con las escamas de la vejez (заскорузлые: «грубые с чешуйками» от старости), oprimían las suyas (сжимали его /руки/).

—¡Pronto, una silla!

La gente, en su precipitación, arrancó al viejo Rabosa de su sillón de esparto para sentar al herido.

El muchacho, con el pelo chamuscado y la cara ahumada, sonreía ocultando los agudos dolores que le hacían fruncir los labios. Sintió que unas manos trémulas, ásperas con las escamas de la vejez, oprimían las suyas.

—¡Fill meu (*валенс. сын мой*)! ¡Fill meu! — gemía la voz del tío Rabosa (стонал дядюшка Рабоса: «стонал голос дядюшки Рабоса»), quien se

arrastraba hacia él (который: «кто» полз к нему; *arrastrar* — тащить; *arrastrarse* — тащиться, ползти).

Y antes que el pobre muchacho (и прежде чем бедный юноша) pudiera evitarlo (смог что-либо сделать: «избежать этого»), el parálítico buscó con su boca (паралитик нашел своим ртом) desdentada y profunda (беззубым и запавшим: «глубоким») las manos que tenía agarradas (руки, которые он держал: «имел схваченными») y las besó (и поцеловал их), las besó un sinnúmero de veces (поцеловал их бесчисленное /количество/ раз; *número, m* — число), bañándolas con lágrimas (омывая их слезами).

—¡Fill meu! ¡Fill meu! —gemía la voz del tío Rabosa, quien se arrastraba hacia él.

Y antes que el pobre muchacho pudiera evitarlo, el parálítico buscó con su boca desdentada y profunda las manos que tenía agarradas y las besó, las besó un sinnúmero de veces, bañándolas con lágrimas

Ardió toda la casa (весь дом сгорел). Y cuando los albañiles fueron llamados (и когда позвали: «были вызваны» каменщики) para construir otra (чтобы построить другой), los nietos del tío Rabosa (внуки дядюшки Рабоса) no los dejaron comenzar (не позволили им начать) por la limpia del terreno (с очистки участка; *tierra, f* — земля) cubierto de negros escombros (покрытого черными обломками; *escombros, m* — мусор, обломки). Antes tenían que hacer un trabajo más urgente (прежде /они/ должны были сделать более срочную работу): derribar la pared

maldita (снести проклятую стену; *maldecir* — проклинать). Y, empuñando el pico (и схватив кирку; *puño, m* — кулак), ellos dieron los primeros golpes (/они/ сами нанесли: «дали» первые удары).

Ardió toda la casa. Y cuando los albañiles fueron llamados para construir otra, los nietos del tío Rabosa no los dejaron comenzar por la limpia del terreno cubierto de negros escombros. Antes tenían que hacer un trabajo más urgente: derribar la pared maldita. Y, empuñando el pico, ellos dieron los primeros golpes.

Здесь только небольшой фрагмент книги.

Полностью книгу вы можете приобрести на сайте www.franklang.ru в соответствующем языковом разделе (испанский язык), в подразделе «Тексты на испанском языке, адаптированные по методу чтения Ильи Франка»